

Л. РАДИЩЕВ*

Пассажир с проходным свидетельством**

Обычно доктор Крутов ездил по железной дороге вторым классом. Первый он считал для себя дороговатым, а третьего избегал по причине многолюдья, тесноты и прочих неудобств.

Но однажды — это было ранней весной 1897 года — ему все-таки пришлось познакомиться с этими неудобствами. По случаю масленичных дней выехать из Москвы оказалось чрезвычайно трудно, и, если б не оборотистый носильщик, захвативший для доктора верхнюю полку в третьем классе, — сидеть бы ему на Курском вокзале неведомо сколько времени.

Вагон дальнего следования, которым ехал доктор, был переполнен. Здесь, наверное, не удалось бы обнаружить даже вершка незанятого пространства. И вот так, стиснутые в узких вагонных стенах, зажатые среди мешков, узлов, корзин, люди едут сутками, неделями, забываясь только во сне, тяжелом, как грохотание чугунных колес.

Глядя на тусклый моргающий огонек в керосиновом фонаре, доктор размышлял: «Говорят: «Яблоку негде упасть!» А почему, собственно, яблоку? Что за единица измерения? Тут не яблоку, а горошине негде упасть... А еще говорят: «В тесноте, да не в обиде». Нет, сюда это не подходит! Здесь люди в страшной обиде, в нечеловеческой обиде...»

За окнами рассвело, а доктор все еще ворочался на своем жестком деревянном ложе, безуспешно пытаясь заснуть.

В уши лез назойливый храп соседей, кто-то стонал и вскрикивал со сна; надрывно, почти не умолкая, плакал ребенок. Потом забренчали чайники, кружки — верный признак приближающей станции.

Когда поезд остановился, те, кто порезвее, кинулись к торговым рядам за вокзалом. Оттуда доносились громкие выкрики: «Кому сытных пирогов с горохом?», «А вот хлебный квас, квас клюквенный!»

Доктор медленно пошел вдоль поезда. Поташнивало, ломило виски, в горле пересохло. Не хотелось ни пить, ни есть, а только вздыхать утренный прохладный воздух.

За грязно-зелеными, облупившимися третьюклассными вагонами следовали аккуратные второклассные, а дальше, сияя лаки-

---

* Леонид Николаевич Радищев (1905–1973) — русский советский писатель.

** Из сборника «Самый дорогой друг. Рассказы о Владимире Ильиче Ленине».

рованными боками и зеркальными стеклами, стоял роскошный спальный вагон первого класса.

Он существовал как бы отдельно от всего поезда, скрывая за светлыми, сборчатыми шторками жизнь своих обитателей. Но вот двое из них вышли наружу: дама в легкой накидке с голубым мехом и офицер, сверкающий позолотой пуговиц и погон.

Скользнув невидящим взглядом по лицу доктора, они стали прохаживаться у вагона, перебрасываясь французскими фразами. Они тоже существовали отдельно от всего, что было вокруг: и от многоголосого вокзального шума, и от выкриков с торговых рядов. От всего этого мира, где едят пироги с горохом и спят вповалку на мешках, узлах и торбах.

Мимо доктора мелкой рысцой пробежал проводник, держа в руках поднос, прикрытый накрахмаленной салфеткой. Доктор посмотрел на его угодливо изогнувшуюся спину и повернул обратно. Он шел, глубоко задумавшись, глядя себе под ноги, и чуть не налетел на толпу, собравшуюся в кружок на платформе. В центре его виднелась красная фуражка начальника станции. Какой-то молодой человек с рыжеватой бородкой клинышком говорил ему, точно подталкивая слова короткими взмахами руки:

— Соболаговолите все-таки объяснить: почему касса продает билеты в третий класс?! Там и без того уже ни встать, ни сесть!

Начальник пожал плечами:

— Ничего не могу добавить к вышеизложенному!

— Но вы же ничего еще не изложили! — Молодой человек придвинулся к начальнику вплотную. — Давка чудовищная! Вы обязаны прекратить продажу билетов и прицепить по крайней мере один свободный вагон.

Начальник молча воззрился на своего непрошеного собеседника. На скулах у него заиграли желваки. Молодой человек требовательно, в упор смотрел на него. Но тут прозвучали гулкие медные удары станционного колокола, рассыпался дребезжащий свисток обер-кондуктора.

— Господа, господа, — вскинулся начальник станции, — займите ваши места, иначе отстанете от поезда!

— Вывернулся! — угрюмо сказал кто-то из толпы.

Доктор с трудом пробрался на свое место. В вагоне как будто стало еще тесней. Неужели здесь мог поместиться хоть один новый пассажир?

И снова застучали колеса, поплыли мимо окон оттаявшие голые поля. Мысли доктора вернулись к только что виденному на перроне. «Хочет прошибить кулаком стену, да еще какую стену! Что же, разобьет себе кулак и ничего более...»

Мысли доктора рассеялись, заглох настойчивый перестук колес. Открыв глаза, он с удивлением установил, что выспался, и весьма изрядно. За окнами переливался яркий, солнечно-голубой день.

— Узловая. Стоим час без малого, — сказал кто-то из нижних пассажиров. И сразу захотелось крепкого, горячего чаю с лимоном.

На двери вокзального буфета было написано: «Для пассажиров первого и второго класса». У порога стоял мордастый швейцар и наметанным глазом определял посетителей. «Куда?! — выкрикнул он, придерживая пятерней старика в картузе и рыжей поддевке. — Ваше заведение на том конце».

Доктор никогда не интересовался ни надписями на буфетах, ни швейцарами у дверей, а шел себе спокойно вперед. А сейчас он невольно задержался, поглядел искоса на свой помятый пиджак с налившими соринками, потом на швейцара — еще спросит: «Куда прешь?!»

Подумав это, доктор покраснел, нахмурился и, смотря прямо перед собой, направился в буфет.

Чай оказался такой, какого желалось, — горячий, крепкой заварки, но похоже было, что доктор этого не оценил. Он сидел нахмураясь, рассеянно подталкивая ложечкой прозрачный ломтик лимона.

Покончив с чаепитием и расплатившись, он вышел из буфета и сразу же натолкнулся на происшествие: опять толпа на платформе, но больше, гуще. Опять начальник станции в центре. Но этот был не один, а с какими-то железнодорожными чинами. Рядом с ними жандарм. И тот же молодой человек с рыжеватой бородкой клинышком.

— Нам уже известно, что вы и есть именно то самое лицо, которое собирает, так сказать, публику на каждой станции и... э... отвлекает от занятий дорожный персонал, — хрипел начальник, спотыкаясь о многочисленные междометия и приставки. — Изложите... э... ваши претензии как положено... в письменной форме и не устраивайте, так сказать... э... эксцессов...

— Я полагаю, мы не будем тратить время на писание и прочтение бумаг, — хладнокровно ответил молодой человек. — Вы же сами отлично понимаете всю бессмысленность этого занятия! У вас спрашивают, какие меры примите вы, чтобы уменьшить дикую, безобразную давку в вагонах третьего класса. Люди едут в невозможных, немислимых условиях. Среди них — кормящие матери, старики, старухи. Так дайте же хоть один дополнительный вагон.

Начальник станции обернулся к железнодорожным чинам и бросил одному из них, видимо, помощнику:

— Поместите этого господина в служебное купе!

— Это вы меня собираетесь помещать? — Молодой человек сощурился. — Вы, милостивый государь, плохо меня поняли. Речь идет о всех пассажирах третьего класса, и вы обязаны принять меры. У вас же есть свободные вагоны!

Толпа зашумела. Жандарм приподнялся на цыпочки и задрал голову, как бы желая установить виновников этого шума. Начальник стал шептаться со своими, и шея у него багровела все больше. Потом все услышали, как он прохрипел помощнику:

— Начальнику движения... э... передайте... пусть прицепит... к черту! Порожний, так сказать...

Молодой человек шагнул за ним:

— Позвольте уточнить: когда это будет сделано?

Начальник затрясся:

— Э... теперь... сейчас! — И почти побежал к служебным помещениям вокзала.

Достав из кармана часы на шнурке, молодой человек сверил их с вокзальными. Движения у него были неторопливые, спокойные, как будто он закончил мирную беседу.

У доктора, стоявшего поблизости, чуть не вырвалось: «Смотрите, все-таки пробил!» Возникло непреодолимое желание сказать хотя бы несколько слов этому удивительному пассажиру. Он подошел ближе и приподнял шляпу:

— Извините великодушно, но я хочу выразить вам восхищение и благодарность... Я убежден, что все пассажиры третьего класса уполномочили бы меня на это. Еще утром на одной из станций я наблюдал за вашими действиями. Да, к сожалению, я был только наблюдатель. Скажу откровенно: я не верил в возможность даже самого незначительного успеха! Но вы одержали победу! Молодой человек слушал, чуть наклонив голову. Взгляд его карих глаз был необычайно пронизателен, точно говорил: «Сейчас узнаем, кто ты таков!»

Эта мгновенно произведенная оценка была, видимо, в пользу доктора. Молодой человек ответил благожелательно:

— Пожалуй, еще рано поздравлять. Пусть сначала прицепят вагон!

— Далеко изволите ехать?

— До Красноярска.

— Так мы же попучики с вами! И я до Красноярска! — воскликнул доктор. — Тамошний житель. Врач. Ездил по делам в Петербург и Москву, а теперь возвращаюсь восвояси... Тогда уж разрешите и представиться? — Доктор снова приподнял шляпу и назвал себя.

— Очень приятно. Предвижу возможность пополнить свои не-большие познания о Сибирском крае. — Молодой человек в свою

очередь отрекомендовался: — Ульянов. Помощник присяжного поверенного, а ныне — пассажир с проходным свидетельством. Пока что в Красноярск, а что дальше — сие на усмотрение начальства. — В быстрых глазах говорившего засветилась усмешка. — Знаете, как теперь говорят? Дальше едешь — тише будешь...

Доктор буквально онемел от изумления. Как житель Восточной Сибири, куда ссылали политических, он хорошо знал, что такое проходное свидетельство.

Это означает, что осужденный на ссылку следует к месту назначения не по этапу, а собственными средствами.

С него берут подписку, что он обязан прибыть в указанный срок и немедленно явиться для отметки в полицию. Останавливаться по дороге строго воспрещается. Если задержат, — снова тюрьма и уже обязательный этап. И вот этот бесправный человек смело борется за человеческие права, не отступая ни на шаг, добивается своего и побеждает...

— Знали бы они, с кем дело имеют, вот бы у них физиономии вытянулись! Представляете картину? — Новый знакомец рассмеялся как-то по-детски беззаботно. — А вы, доктор, в каком вагоне едете? — спросил он, утирая повлажневшие от смеха глаза.

— Вот в этом...

— Стало быть, мы с вами не только попутчики. Заходите в гости. Большого гостеприимства оказать не могу, но недостаток его мы восполним интересным разговором. — Он взглянул на часы. — Что-то не чувствуется никакого оживления в связи с прицепкой вагона. Загляну-ка я еще раз к господину начальнику станции... Так заходите, доктор! Вы в шахматы играете? Превосходно! Тогда сразимся! У меня они имеются...

Едва доктор возвратился в вагон и улегся на своей верхотуре, как во всех углах поднялась суматоха. На все лады повторялись слова о том, что прицепили свободный вагон. Чей-то озорной голос выкрикнул: «Новенько-ой! Что игрушечка! Местов — занимай не хочу!»

Позабыв о крайней ограниченности своего местоположения, доктор сел чересчур резко и стукнулся головой о верхнюю доску. Но он даже не заметил этого. Ему хотелось аплодировать изо всех сил, не жалея ладоней, как студенту на галерке.

И тут он увидел «пассажира с проходным свидетельством», который пробирался сквозь вагонную кутерьму, внимательно оглядывая полки.

— Вы не меня? — крикнул ему доктор.

— Да, да, вас! Предлагаю вам перейти в дополнительный вагон.

Прицепленный вагон действительно был новый или заново отремонтированный. Двухместное купе с открытым окном, с пол-

ками, еще блестящими свежей окраской, показалось доктору необыкновенно уютным.

— Вот здесь мы с вами и поедем! — В голосе нового знакомого слышалось торжество. — Располагайтесь, доктор!

Он снял пальто и шляпу. С крупной головой, высоченным лбом, широкими плечами, которые были как-то незаметны под пальто, он показался доктору значительно старше.

— Приготовьтесь, доктор, к тому, что я буду вас нещадно эксплуатировать, — улыбка снова сделала это лицо юношески молодым, — буду все время спрашивать вас о Сибири. Говорят, Сибирь — сказочная, необыкновенная страна. Будущее у нее такое, что дух захватывает.

Доктор смотрел как зачарованный: и это говорит человек, который осужден тянуть долгую ляжку ссыльного в неведомой ему глухомани, где зима продолжается тринадцать месяцев в году, как невесело шутят тамошние жители...

Под вагоном точно продернули ржавый скрежещущий звук. Колеса отбили свой первый чугунный такт. Кирпичное здание вокзала стало медленно отворачивать в сторону.

Рядом со стрелочницей, высоко поднявшей свой флажок, стояла крошечная девочка и старательно махала ручонкой проходящему поезду.

«Пассажир с проходным свидетельством» высунулся из окна и махал ей до тех пор, пока она не скрылась из виду.